

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДОВ (С АНГЛИЙСКОГО НА ЛАТИНСКИЙ) В РАННЕОАНГЛИЙСКОЙ ПЬЕСЕ ДЖ. СКЕЛТОНА «ВЕЛИЧИЕ»

Хавронич Алина Алексеевна

Преподаватель, Высшая Школа Экономики (Москва)

Lene_rocks@mail.ru

THE STYLISTIC FUNCTIONING OF CODE-SWITCHING (ENGLISH-LATIN) IN AN EARLY MODERN ENGLISH PLAY «MAGNYFYCENCE» BY J. SKELTON

A. Khavronich

Summary: The research subject is represented by realizations of the code-switching phenomenon (English-Latin) in the text «Magnyfyence» produced at the beginning of the XVIth century by J. Skelton. The author reveals the pivotal sociolinguistic connotations of Latin relevant for the period selected for consideration. The identified instances of code-switching (neologisms and original Latin forms) are viewed at the semantic and metasemiotic levels embracing the data derived from diachronic corpora and context analysis. The obtained data are interpreted in order to define semiotic and stylistic functions of the incorporated Latin formations.

Keywords: EmodE period, EmodE drama, Skelton, code-switching, neologisms, Latin, stylistic connotation.

Аннотация: Предметом исследования выступают реализации явления переключения кодов (с английского на латинский) в тексте Скелтона «Магнуфусенс», созданном в начале XVI в. Автор идентифицирует базовые социолингвистические коннотации латыни, релевантные для рассматриваемого периода. Выявленные образцы переключения кодов (неологизмы и оригинальные латинские формы) исследуются на семантическом и метасемиотическом уровне с привлечением данных диахронических корпусов и контекстуального анализа. Полученные данные интерпретируются для определения семиотических и стилистических функций инкорпорируемых латинских образований.

Ключевые слова: раннеоанглийский период, раннеоанглийская драма, Скелтон, переключение кодов, неологизмы, латинский язык, стилистическая коннотация.

Контекст симбиотических процессов последовательной кодификации английского языка в XVI в. (на уровне языковой системы) и формирования литературного канона (на уровне осмысления английского как автономного художественного ресурса) задает, прежде всего, начавшийся еще в среднеанглийский период переход от тригlossии к возвышению английского. Из этого функционального перераспределения проистекает, в том числе, существенная гетерогенность лексического состава английского, идеологическое и эстетическое переосмысление ранее господствовавших французского и латинского.

Раннеоанглийские пьесы представляют уникальные памятники языка – образцы, зафиксировавшие все обозначенные процессы, включая сохранение латинского в системе художественных средств. В рамках статьи рассматривается стилистический прием, основанный на задействовании латинских единиц, который активно использовался драматургами раннего ренессанса, в частности, Скелтоном в пьесе «Величие» (относится ко второй декаде XVI в.) [7]. Речь идет о переключении кодов (code-switching, code-mixing), т.е. введении неологизмов латинского происхождения, а также отдельных латинских форм и полилексемных образований.

В рамках дискуссии о художественном потенциале латинского, задействованного раннеоанглийскими авторами, подразумеваются тесно взаимосвязанные феномены: введение латинских единиц как заимствований и собственно переключение кодов. Первый соотносится с интенсивной ассимиляцией латинских элементов при условном разграничении денотативно (для номинации при объективно существующих лексических лакунах) и коннотативно обусловленных заимствований (для стилистического повышения, усиления риторического и поэтического потенциала исконного языка). Эти явления некоторыми исследователями, например, К. Майерс-Скоттон принципиально не дифференцируются. Подразумевается, что помимо уже ассимилированных заимствований носители могут вводить новую или, по крайней мере, еще не закрепившуюся в языке-получателе иностранную единицу (неологизм), что технически соотносится с предлагаемым Майерс-Скоттон определением переключения кодов как «использования двух языковых разновидностей в речи [5, p. 239].

Для работы с неологизмами и моно-/полилексемными латинскими образованиями сначала необходимо «реконструировать» в общих чертах особенности восприятия словотворчества, базирующегося на латин-

ских единицах, и введения оригинальных латинских форм авторами периода. Это можно сделать с опорой на актуальные исследования литературного языка ранненоанглийского периода, а также комментарии, обнаруживаемые в работах филологов XVI в. Этот этап подразумевает и выявление релевантных коннотаций латыни с позиции социолингвистики. Идентифицированные неологизмы далее рассматриваются с привлечением метода семантического и метасемиотического анализа. Семантический этап включает этимологический анализ и задействует данные диахронических корпусов (корпусного словаря MED [11], Хельсинкского корпуса ICAME-НС [12], корпуса лексикографических данных ранненоанглийского периода LEME [4]) для более точного определения значений языковых единиц. Рассмотрение переключения кодов в виде введения оригинальных латинских моно- и полилексемных образований строится на анализе соответствующих контекстов и стилистического окружения этих элементов. Полученные данные интерпретируются с точки зрения коннотаций (метасемиотический этап), а также с семиотической перспективы: в статье предпринимается попытка определить, что именно сигнализирует включение латинской формы в пьесе Скелтона.

В процессе формирования английского как доминирующего литературного языка латынь удерживает значимую позицию, прежде всего, как источник и «наиболее очевидный маршрут к созданию высокого стиля, заключающийся в использовании романских заимствований, которые Уилсон называет «великими словами», а Марло в прологе к «Тамерлану» – «потрясающими высокими выражениями» [9, р. 609]. Эксплицитная оппозиция исконного языка и латыни как более совершенного, в частности, для поэтических целей ресурса являлась основополагающей: Т. Невалайнен пишет, что «английский казался «грубым» и «варварским», невыразительным и лишенным риторического потенциала... Необходимость расширения лексикона была практической при введении новых слов для номинации новых концептов и частично стилистической для обогащения лексического ресурса, т.е. для словарного «изобилия» (*coria verborum*), которое считалось центральной составляющей литературного языка» [10, р. 358]. Среди актуальных для XVI в. черт высокого стиля К. Мур называет, помимо усложненного синтаксиса и классических фигур речи, включение заимствований из латыни и принцип амплификации [13, р. 299], а С. Адамсон отмечает, что опорой стратегии амплификации была именно латынь: «эпические качества, которые Милтон стремится выразить, стилистически воплощаются в единицах латинского происхождения «illumine», «support», тогда как их противоположности («dark», «low») реализуются через «наши исконные германские односложные слова», как их с пренебрежением именует Драйден» [9, р. 609].

При этом авторы XVI в. под влиянием набирающего обороты движения языкового пуризма в целом склонны разграничивать мотивированное и немотивированное введение латинского заимствования. Обсуждение проблемы использования таких единиц и, в частности, неологизмов латинского происхождения известно в соответствующих исследованиях как «спор о чернильных терминах» (*inkhorn controversy*). Согласно П. Блэнк, «новый английский многим представлялся «поддельным», ненастоящим, воздвигающим барьеры в общении между носителями исконного языка и, более того, средством достижения и утверждения социального превосходства» [2, р. 41]. Дж. Паттенхэм предостерегает авторов от чрезмерного увлечения словотворчеством и заимствованиями из латыни, когда пишет об одном из главных «неприемлемых грехов» создания литературного текста: «Есть и другая недопустимая дурная манера речи... безрассудная расточительность, когда мы предпочитаем новые слова и фразы, несвойственные языку хороших авторов и писателей и нормальному речепотреблению, и это характерная черта молодых ученых, не получивших достаточное образование» [6]. Таким образом, введение заимствований из латыни и особенно неологизмов допускалось только для полноценно образованных носителей и исключительно в рамках конструирования высокого стиля, использование которого, помимо прочего, должно было быть концептуально, тематически оправданным.

Из того же стилистического руководства Дж. Паттенхэма можно судить о крайне низком уровне толерантности к немотивированному введению оригинальной иноязычной формы. Недопустимым стилистическим «грехом» автор называет «макароничность» (*Soraismus*, или *mingle-mangle*): «когда мы формируем свою речь или текст на разных языках, используя какое-либо итальянское слово, или французское, или испанское... не специально для требующего того случая или по надобности (что было бы в некоторой степени простительно), но невежественно или нарочито, например, вводя французский элемент *Roy* для ритмизации» [6]. О тенденции неприятия такого переключения кодов свидетельствует и все более частое написание комичных «макароничных» текстов в XVI в., в частности, Скелтоном, который «создавал великолепную «макароничную» поэзию... Сатира и низкий юмор являлись двумя характерными ее параметрами» [3, р. 1015].

Наконец, необходимо определить основные социолингвистические коннотации (стереотипные ассоциации) латыни в XVI в., актуальные для данного исследования. Первая коренится в неразрывной связи латыни и Римской католической церкви. Церковная латынь была знакома практически любому носителю как минимум как компонент литургических ритуалов, молитв и гимнов. При этом в XVI в. возрастает антиклерикализм, рас-

пространяются реформационные идеи. Прежде доминирующая коннотация латыни как «священного языка» обретает свою противоположность: латынь все больше ассоциировалась с духовно деградировавшим католическим клиром, его злоупотреблениями и стремлением ввести в заблуждение «сложным» языком: «более радикально настроенные протестанты фактически считали латынь языком священнослужителей, созданным, чтобы держать в неведении простых людей и поддерживать свою власть» [1, р. 186]. Вторая релевантная коннотация латыни произрастала из ее статуса языка науки. Предполагалось, что латинские вставки восходят к великим античным источникам, продвигающим универсально признаваемые истины. Третья коннотация в целом рассмотрена ранее: латынь могла восприниматься как источник эстетического совершенства или, наоборот, как способ чрезмерного и пустого самовозвеличивания.

В пьесе обнаруживается незначительное количество неологизмов латинского происхождения, а именно: *ornacy*, *inpurtured*, *invyved*. Единица *ornacy* вводится в речь монарха, поддавшегося искушению пороков: «удовольствием я охвачен/От вашей речи, она так составлена,/Изысканна и ярка ваша украшенность» (with pleasure I am supprysyd/Of your langage, it is so well devised,/Pullyshyd and fresshe is your ornacy). В MED и LEME зафиксированы аналогичные единицы 'ornatioun', 'õurnement' (заимствованные из старофранц. *ornement* или напрямую из лат. *ornātiō/ornāmentum*), 'ornātüre' (< *ornātūra* из средневековой латыни). В контекстах, выдаваемых ICAME-НС по поисковому запросу [orna*], встречается только низкочастотный субстантивный элемент 'õurnement'. Анализ контекстов ICAME-НС позволяет считать единицу 'õurnement' возвышенной (ингерентная стилистическая коннотация), прежде всего, в силу высокой степени их формальности. В речи *Magnyfycence* (короля) фигурирует существительное, образованное не через романские суффиксы *-ion/-ment* (как в единицах, зафиксированных в диахронических корпусах), а через *-cy*, восходящий к латинскому *-cia/tia*. Слово *ornacy*, таким образом, явно вводилось как стилистически маркированный аналог уже закрепленного возвышенного элемента 'õurnement'. Единицы *inpurtured* и *invyved* появляются в рамках одного монолога порока Придворного Злоупотребления (*Courtly Abusyon*), склоняющего монарха предаться плотским наслаждениям: «Надлежит Вашему удовольствию Вас усладить... И удовлетворить Ваше желание прекрасной любовницей,/Которая быстро оживится алой розой,/Украшенная чертами пригожими» (It is semynge your pleasure ye delyte... To fasten your fansy vpon a fayre maystresse,/That quyckly is enuyued with rudydes of the rose,/Inpurtured with fetures after your purpose). Слово *invyved*, актуализирующее значение 'оживленная, вдохновленная' и зафиксированное только у Скелтона, очевидно, соотносится с латинским *vivere*. При этом еще в среднеангл. период существовали глаголы

'vīvifien' и 'vīvificāten' (первый, согласно MED, заимствовался из старофранц., второй – напрямую из латыни). Семантика *inpurtured* проблематична для точной реконструкции, однако, скорее всего единица является усложненным аналогом 'portraied' (< старофранц. *portraire*, восходящего к лат. *pro + traire*) и реализует в приведенном контексте одно из актуальных значений – 'украшенная'. Возможно, Скелтон вводит слово *inpurtured*, считая его формально более латинизированным (суффикс *-ure* < лат. *-ura*).

Итак, все неологизмы, соотносящиеся с латинским происхождением, инкорпорируются Скелтоном в текст намеренно, поскольку в языке уже были закреплены аналогичные единицы. Все случаи такого варианта переключения кодов идентифицируются именно в речи пороков и монарха в фазе моральной деградации. Реплика короля выполнена в высоком стиле; функция введенного возвышенного неологизма ограничивается созданием экспрессивности с точки зрения стилистики, а семиотически сигнализирует ослепленное, одурманенное состояние. Речь порока, в которую включены два неологизма латинского происхождения, можно считать имитацией высокого стиля, поскольку тематически выбор этой стилистической разновидности с точки зрения автора XVI в. немотивирован. Неологизмы в данном случае также имеют стилистическую коннотацию и служат средством придания выразительности. Значимым оказывается тот факт, что в репликах однозначно положительных персонажей, сконструированных в высоком стиле и изобилующих возвышенными элементами, неологизмы не обнаруживаются.

Моно- и полилексемные латинские образования в «*Magnyfycence*» в абсолютном большинстве случаев также инкорпорируются в высказывания негативных персонажей. Такое переключение кодов идентифицируется, например, в реплике порока Фикции – *Fansy* (стяженная форма заимствованного из старофранц. полисеманта 'fantasie' со значениями 'иллюзорные образы и идеи', 'склонность, порожденная блажью, а не разумом'). Фикция появляется в пьесе после того, как положительные персонажи Счастье (*Felycyte*) и Мера (*Measure*) выступают с назидательной речью монарху, убеждая его руководствоваться разумом, умерить свободолюбивые порывы и соблюдать меру. Смысл этих речей максимально воплощен во фразе «Нет места избыточности, где пиром правит Мера,/Нет там чрезмерности, где здравствует Мера,/Мера сохраняет процветание и богатство» (There is no surfet where Measure rulyth the feste,/There is no excesse where Measure hath his helthe,/Measure contynwyth prosperyte and welthe). Речи этих персонажей конструируются преимущественно через гномические речения по определенной морфо-синтаксической модели (с производящейся формой настоящего афористического времени), призванной подчеркивать, что сказанное яв-

ляется универсальной истиной. Порок Фикция в стремлении искушить монарха имитирует высказывания Счастья и Меры, выстраивая формально тождественные гномические речения, одно из которых сопровождается фразой с переключением кодов: «Но алчность так тебя раздула,/Что страдание от колики схватило тебя за кишки» (But couetyse hath blowen you so full of wynde,/That colyca passyo hath gropyd you by the guttys). Фикция, таким образом, имплицитно отождествляет меру со скаредностью. Латинское атрибутивное словосочетание *colica passio* встраивается в понятийно сниженный контекст, где явно предполагается актуализация коннотации латыни как схоластического языка. Стилистически высказывание строится на контрасте этого сниженного контекста и «научного» латинского обозначения, которое, как и применение модели гномических речений, способствует созданию эффекта авторитетности сказанного. При этом еще в среднеанглийский период (в XV в.) из латыни заимствуется единица 'colik' ('резкая абдоминальная боль'), соответственно, семантика введенного латинского комплекса могла быть в целом беспрепятственно декодирована большинством носителей.

Идентичной с точки зрения актуализированной коннотации является фраза «Да, потому что все женщины – публичные девки, если это можно выявить» (Ye[a], for omnis mulier meritrix si celari potest). Это слова порока Придворного Злоупотребления, по формальным признакам также конструирующие гномическое речение – латинское крылатое выражение, возможно, пословицу. Коннотация латинского (универсальная авторитетность, ученость) вступает в противоречие с откровенно сниженным планом содержания. Тот же эффект создается в следующих репликах: «Я все так же полон лукавства,/Каким всегда я был, и так же полон вздора,/Ноль, ничто, ничего, по-английски, пустяки» (I am yet as full of game,/As ever I was, and as full of tryfylys/Nil, nichelum, nihil, anglisce, nyfylys) и «Я, Глупость, веду их к тем, что спешат,/С теми, что свихнулись, я их свел,/Из тех, кто был важным, к существу ничто» (I, Foly, bryngeth them to qui fuit gadde,/With qui fuit brayne seke I have them brought,/From qui fuit aliquid to shyre shakynge nought). В первой реплике порока Фикции с дублированием на английский вводятся семантически тождественные латинские единицы в виде акустически маркированной последовательности (эффект паронимической аттракции). Во втором случае вкрапления повторяются, и в целом неспособность декодировать значение латинских единиц несущественно влияет на понимание общего смысла реплики. Значимым оказывается только наложение стилистически противоречащих друг другу означающего и означаемого: латинской формы, ассоциирующейся с ученостью и мудростью, с семантикой бессмысленности. При этом единицы, раскрывающие семантику абсурда, пустословия, сумасшествия являются конституирующей чертой речи пороков. Практически во всех остальных случаях

для реализации этих концепций используются просторечные элементы германского происхождения. Например, описывая себя, Глупость говорит: «я мелю языком, я трещу, я брюзжу, я лепечу» (I blunder, I bluster, I blowe, I blother; 'blundyr'/'blönderen' < древнесканд. *blundra*, 'blusteren' < средненижненем. *blüstren*, 'blou(en)' < древнеангл. *blāwan*, 'bloderen' < древнеисл. *blaðra*). Обнаруживаются семантически идентичные элементы *waste wynde* (второй имеет исконное происхождение), *crake*, *prate*, *chyder*, *clatter* и единицы, указывающие на безумие, например: *out of owle-flyght*, *frantyke*, *farle freke*, *coughe me a dawe*. Таким образом, в репликах с переключением кодов латинские единицы служат для придания экспрессивности и для создания комического эффекта при неожиданной замене просторечных исконных единиц латинскими.

Внимания заслуживает латинская единица 'Benedicitē' со значением «Благослови тебя». Она была введена еще в среднеангл. в исконной форме, в первую очередь, в качестве субстантивного элемента со значением 'молитва' (перед исповеданием, трапезой). В одном случае (в речи Фикции) слово функционирует как дискурсивный маркер в качестве аналога других клятв («Именем господа» (By God), «Божьей святостью» [клянусь] (By Goddes sacrament)): «Ну, благословенны будьте, Вы думаете, я какой-то пройдоха,/Или какой-нибудь брэнчащий Джек с долины» (Nowe, benedicite, ye wene I were some hafter,/Or ellys some jangelynge Jacke of Vale). Семантику и функциональный охват этой единицы проясняют исследования в русле диахронической прагматики. В частности, в одной из работ указывается, что элемент 'Benedicitē' изначально использовался как молитвенное приветствие/формульное благословение, однако постепенно, начиная со среднеанглийского периода, претерпевал грамматикализацию (исзначальное денотативное значение последовательно стиралось), и в итоге слово вводилось в речь в качестве междометия с минимизированным пропозициональным значением и прагматической функцией выражения удивления [8, р. 380-381]. Некоторые контексты отражают сохранение изначальной семантики: реплика Фикции является как раз таким примером. Многочисленные дискурсивные часто выступали в раннеанглийской драме как средство указания на порочность персонажа, и одной из наиболее устойчиво воспроизводимых категорий являлись маркеры, отражающие глумление над набожностью, религией. В рассматриваемой реплике единица 'Benedicitē' введена, чтобы сигнализировать присущее порокам кощунство. Контекстуальные условия вызывают десакрализацию этого латинского элемента: на это указывают и содержание, и просторечные единицы 'hafter', 'jangling(e)', оскорбительное прозвище "Jacke of Vale", встречающееся у Скелтона и в других текстах в рамках сниженного стиля. В другом случае 'Benedicitē' вводится в речь порока Поддельной Меры (*Counterfet Countenance*) в качестве

существительного со значением 'благословение': «Притворяясь монахи обучили меня./Это монашки [делают] то и дело, и, когда могут/Объясняют поддельной милостью,/Молитвой во божье благоволение» (To counterfet this freers have lerned me. This nonnes nowe and then, and it myght be./Wolde take in the way of co[u]nterfet charyte./The grace of God under benedicite). Г. Уокер поясняет, что, говоря, что монахини этим занимаются, порок, должно быть, пользовался жестами, намекающими на сексуальную распущенность [14, p. 362]. Таким образом, и в этом случае использования латинской единицы коннотация, религиозное значение слова противоречат смыслу высказывания.

Подводя итоги, можно зафиксировать, что в рассмотренной пьесе Скелтона феномен переключения кодов является значимой стилистической чертой. Неологизмы были обнаружены в речах однозначно порочных персонажей и короля в фазе духовного падения. Установлено, что единицы этой категории вводятся при наличии уже ассимилированных семантически аналогичных заимствований, то есть конкретно в стилистических целях как средство создания экспрессивности, а также чтобы на языковом уровне отразить ложность, притворство или развращенность. Включение ориги-

нальных латинских единиц или более сложных комплексов обнаруживается также именно в речи пороков. Эти единицы вводятся в их реплики как часть языковой стратегии копирования назидательных речей положительных героев. Копирование (для искушения и обмана) проявляется в применении морфо-синтаксической модели, по которой строятся высказывания положительных персонажей, и на уровне лексического выбора – во введении латинских единиц, актуализирующих коннотацию латыни как языка науки и универсальной истины. Комический эффект достигается благодаря противоречию сигнификата (низкие идеи, семантика бессмысленности) и сигнификанта («ученые» латинские формы). В пьесе Скелтона встречаются и случаи десакрализации латинской единицы (через помещение в понятийно низкий контекст с просторечными элементами), ассоциирующейся с религиозным дискурсом. Выявлено, что латинские единицы не всегда дублируются на английском, следовательно, для автора значима не способность аудитории точно декодировать семантику этих элементов, но идентифицировать в конкретных формах латинское происхождение и воспринять устойчивые стереотипные коннотации, связанные с латынью (святость/обман, ученость и авторитетность, красота/претенциозность).

ЛИТЕРАТУРА

1. Barber Ch., Beal J., Shaw Ph. The English Language. A Historical Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 306p.
2. Blank P. Broken English. Dialects and the Politics of Language in Renaissance Writings. London/New York: Routledge, 2003. 211p.
3. Encyclopedia of British Humorists: Geoffrey Chaucer to John Cleese. Vol. 2 / Ed. by S.H. Gale. New York/London: Garland Publishing, 1996. 1307p.
4. Lexicons of Early Modern English. Ed. Ian Lancashire. Toronto, ON: University of Toronto Library and University of Toronto Press, 2020. URL: <https://leme.library.utoronto.ca> (дата обращения: 10.05.2020).
5. Myers-Scotton C. Multiple Voices. An Introduction to Bilingualism. Oxford: Blackwell Publishing, 2006. 457p.
6. Puttenham G. The Arte of English Poesie. London: printed by Richard Field, 1589. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/16420/pg16420-images.html> (дата обращения: 10.05.2020).
7. Skelton J. Magnyfycence: A Moral Play / Ed. by R.L. Ramsay. Oxford: Routledge, 2018. 100p.
8. Støle H. Interjections in Late Middle English play texts. A multi-variable pragmatic approach. A Thesis Submitted for the Degree of PhD at the University of Stavanger, 2012. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/52079521.pdf> (дата обращения: 5.05.2020).
9. The Bloomsbury Companion to Stylistics / Ed. by V. Sotirova. London: Bloomsbury Academic, 2016. 730p.
10. The Cambridge History of the English Language. Vol. III. 1476-1776 / Ed. by R. Lass. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 668p.
11. The Electronic Middle English Dictionary based on Middle English Dictionary by H. Kurath, Sh. Kuhn. University of Michigan, 2001. URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/> (дата обращения: 9.05.2020).
12. The Helsinki Corpus of English Texts is a structured multi-genre diachronic corpus by M. Rissanen, J. Tyrkkö. Helsinki: University of Helsinki, 2014. URL: <http://clarino.uib.no/korpuskel/simple-query> (дата обращения: 11.05.2020).
13. The History of English. Early Modern English. Vol. 4. / Ed. by A. Bergs, L. Brinton. Berlin/Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2017. 344p.
14. Walker G. Medieval Drama: An Anthology. Oxford: Blackwell Publishing, 2009. P. 351-407.

© Хавронич Алина Алексеевна (lene_rocks@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»